

Она – большая, грузная, грудастая, в старой мешковатой одежде. Лет ей 45–48, выглядит старше. Но улыбка – детская, хорошая, простая.

ОНА. А я много времени-то у вас не займу. Места вот займу много – это правда, это есть такой грешок. Помните, как в анекдоте: «Людка, говорят, белое полнит?» –

«Нет, Клава, тебя не белое полнит, тебя полнит то, что ты жрешь по четырнадцать раз в день!» Это про меня! Ну, я такая... объемная. Меня, знаете, как родные называют? Тумбочка! Правда, смешно? Тумбочка! (Смеется.)

Ну, начать надо с того, что Верка, она у нас сразу такая была... Бедовая, знаете. Она родилась сразу после меня, через два года то есть. Мамка ее не любила. Верка у нас хилая была и с причудами. Писалась вот до двенадцати лет, котят двух замучила. Мать ее била, кричала. Ну, оно тоже понять можно, отец у нас сгинул тогда. Вроде как без вести пропал.

Из милиции ведь к нам приходили даже, показания брали. Поехал в город на заработки – и сгинул, но... тогда ведь ни телефонов этих сотовых, ничего... Мать по тому адресу-то городскому общежития ездила – а там нет его. Мол, уж месяц как не живет. Потом и в газете мы его искали, и в больницы, и в морги звонили. Ничего не нашли. Так и сказали нам потом: сгинул, но... Мать тогда нервная была, а Верке – четыре года. Я сейчас вот читаю литературу всякую: это ж детская у ней травма была. А тогда тоже думала: специально она чудит, нам назло. А вот сейчас в литературе этой психологичной пишут – травма. Так я теперь думаю, у ней испуг же еще был. Ну ее же этот, Вадик, в детстве напугал – этот мамкин сводный сумасшедший брат. Когда маленький был, говорят, совсем дурачком рос. А потом вымахал в такую вот детину. Баб с дедом пили, говорят. Я их почти и не помню, на лодке только катались, помню. У них лодка была. Ну вот и рóдили такого. Мамка нормальная, а брат дурачок. Вот он Верку нашу в семь лет того... Не со зла, по болезни. А Верка потом и прудила... Дело-то замяли. Матери оно, как потом с этим жить? Ну, она про это не очень... Вадика-то потом в больницу на пожизненное отправили. Если про него заикнешься, она все, помню, говорила: «Вас не

спрашивают? Вы и не сплясывайте!» В общем, тяжелое у Верки детство было. Не в пример никому.

А потом Валька родился. Валик-шпалик, чемпион, жопой пашет стадион! Правда, смешно? (Смеется.) А это мы с Веркой про него придумали. Но нет, вы не подумайте, Валик-то не такой был, и он не психованный. Он – наша такая любовь был! Ой, как, помню, мы с Веркой с ним нянчились! Вот здесь голова, вот здесь ножки и кудри, с кудрями прямо и родился! Ну такой, прямо святой! Прямо я не знаю, Иисус Христос с иконы! Я теперь такие часто покупаю... Но только такие, где потолще. Худого Христоса не люблю, никогда не беру, а вот там, где он – кудрявенькая симпапусечка маленькая, такие я всегда покупаю! Мать в графе «отец» поставила, потому что все молдаване – козлы и жизнь у ней несчастная от этого. Молдаване у нас тогда церковь строили, но...

И последняя – Настюха. Настюха родилась – это мне сколько? Так уж шестнадцать лет было. Тоже, правда, мамка сказала: в графе «отец» будет прочерк. А дядя Гена тогда у мамки был, как обещал-то, помню! Я для вас все! На части всех за детей порву! А мы ему какие дети? Я-то с ними и четырех лет не прожила! Ну что ты к чужой семье-то примазываешься? Мы – семья, а ты тут кто? Не знаю, что у них там наперекосяк пошло, какой разлад вышел. Пил он – это правда. Но хоть и пил – деньги-то все в дом нес. Мы с ним-то у мамки и зажили. До этого всякое было... Ну, с другой стороны, что, ну ничего такого тоже не было. Корова своя, свиньи, куры, кролики. Всякое было, но до голода никогда не доходило. Богатой семьей, можно сказать, были. У нас и мясо, и яички, и молочко – все было. Валика с Настюхой самым свежим всегда... Ну вот, значит, они и рóдились. А я-то уж подросла.

Поступила в техникум народного хозяйства. Но я-то что?! Я ж – не видно вам, нет? Я ж маленько горбатая

с детства. Так-то не видно. Вот если одежду-то снять, там видно будет. Я почему всегда вот такое все ношу? Я ж, не думайте, я в интернете Cosmopolitan читаю. Ой, интересный он! Кто с кем, кто как... Там и мода есть. Но мне нельзя по моде, мне горб надо закрывать. Мамка говорила: в детстве меня пьяная бабка уронила. А потом уже, на диспаризации сказали: наследственное оно... Генетическое! Но! По наследству передается! Бабка-то не виновата.

Так я чё? Чё дальше-то было? Поступила, ну училась, но про меня-то неважно... А потом-то, я на втором курсе уж была, ко мне Верка переехала. В тот же техникум поступила! Училась-то она не очень, а вот поступила! Там, на поступлении, вообще говорили: с деревни не пробиться! Техникум-то техникумом, а все же городской. У него там баллы, говорят, были. А она-то пробилась, представляете? С деревни! Из области! Представляете, какая девка? Ой, Верка у нас была красивая! Она и щас красивая, но тогда... Волосы черные, кудрявые, фигура точеная, глаза зеленые! Ну чисто цыганка! Она даже по пьяни врала ухажерам: мол, да, цыганка я! Цыганский барон в родне затесался! Что, выкусили? Цыганка я, Аза, да! Цыганская дочь! Бери меня, неси в кибитку! Но я-то знала: нет у нас цыганских кровей, одни белорусы да татары в роду, ну чисто русские мы, в общем...

Но только Верка училась не очень. Я за нее и домашку делала, и к педагогам ходила. Но, знаете, Верку тоже можно понять: когда тебе семнадцать и у тебя такой успех. Я имею в виду мужской успех. А что же... Я ее за это нисколько не осуждаю. Она красивая – этого ни отнять, ни прибавить. Она рано начала на дискотеки ходить. Тогда уже можно стало, никого не стесняясь. Да и что стыдного? Ну, подумаешь, девушка на дискотеке танцует! Красивая! Цыганка практически! Я ее понимала. Я-то туда почти не ходила... Ну, с Веркой пару раз.

Но мне не очень это все: музыка гремит, все пьяные... Я-то понимаю, если ты красивый, у тебя свое удовольствие – познакомиться с кем, может, там это что... Нет, ну мне по молодости тоже хотелось, чего уж скрывать... Нравились там мальчишки тоже. Да только я же горбатая. Горб-то у меня! Но его под одеждой не видно совсем, так и не заметишь...

А к концу первого ейного-то курса Верка стала мрачней тучи ходить. Я даже не по ейному виду, я по нашим, деревенским, приметам поняла. Ну, ходит немножко так, как уточка, поджимаясь, цвет лица не тот... На растущую луну ревет... Я ей говорю: «Вер, что случилось?» Она сначала: ничего, ничего... А потом и выдает: «Я беременная, Свет...» Я говорю: «Вер, так это же хорошо, у нас ребеночек маленький будет». А она, такая, смотрит на меня. «Свет, – говорит, – ну какой мне ребенок, я ж на аборт на завтра записалась». Тут я ее за ручки-то цыганско-русские тоненькие взяла, говорю: «Ну, Вер, ну хуйню-то не неси, ну какой аборт? Там же уж поди ребеночек у тебя сформировался! Ну, вырастим! Ну какой аборт? Ну, поможем, ну какая же мы семья, если ребенка не вырастим?» И Верка так на меня посмотрела: «Да, Свет?» Я говорю: «Да, Вер...» Она потом заплакала еще. И заснула. До трех дня тогда проспала.

Вот тогда-то мне, значит, и пришло письмо. Я ж вам этого-то еще не рассказывала, нет? Я ж в газету написала – ищу знакомства. Написала с толком, с расстановкой: только для серьезных отношений, вот этот ваш разврат без штампа не предлагать, а уж потом – посмотрим. Фотографию, написала, только в ответном письме. Что еще? Курящих не люблю, написала, алкоголиков мне не надо, ну а в целом – чтобы человек был хороший, для души. Про горб писать не стала, постеснялась, да и не видно его на первом свидании будет, а потом уж как-нибудь да

объясню. Объявление мое в шестом номере, за июнь, напечатали. А в конце июля и пришел ответ. Тон письма мне сразу понравился. Сеня, говорит, зовут. Работает электросварщиком шестого разряда, высший, значит, разряд у него. Женат не был, а хочется. Жизни особенной никогда не знал: мама, бабушка, сестра. А хочется любви какой-то, вот такой вот... Ну и я ему ответила. А потом – он, а потом – снова я...

И так мы до февраля до самого переписывались. Я уж его и Сенечкой называть стала, и сердечки на конверте пририсовывать. И предложил он мне вживую встретиться. Я пишу: давай, а чего ж нет-то? И стала к встрече с Сеней готовиться... А тут Кирюша наш поспел!

Кирюшка-то – мой постреленочек! Я это всем говорю! Мой пострел – везде поспел! Кирюшка у Верки сложно рождался. Да и беременность сложно давалась. Пять раз! Пять раз нас на сохранение клали, но! А потом, тоже идиоты... Уже рожать срок подошел... Причем у Верки таз клинически узкий. Я ведь ходила, узнавала, там и справка была потом: клинически узкий таз. Восемьдесят пять сантиметров! И с чего они взяли, что она сама рóдит? Да это ж вам и заяц, и кто угодно скажет: да не рóдит она вам без кесарево-то вашего! Да ну где же сама? Цыганка чистая! Ну, в общем, нас перед самым-то Новым годом домой отправили, с сохранения до дому. А там два дня – первое января, а ей срок рожать подошел. Ну, они думали, там еще две недели запаса-то есть, чтобы ее на кесарево, а она-то сама... Ну и она... Ну как вам сказать, тяжелые роды у ней были. Сама порвалась, ребеночка сжала. Я так понимаю, Кирюшкина травма-то – она от сжимания...

Я к тому времени нам квартиру сняла, уже сама в конторе работала. Но там контора, знаете, не бей лежачего, чеки заполнять! Правда, из-за того, что неполный техникум, на меньшую зарплату взяли. Я ж не доучилась тогда.

Ну а что делать? Нам же жить на что-то надо было... Ну и постреленочек-то наш, Кирюшка, он же с травмой родился. А время-то было! Уже ведь ничего государственного! За государственный счет только рóдить, а дальше – шиш! А Кирюшка с головной травмой родился, с асфиксией по-научному. Там диагнозов – полный реестр. Я когда к Верке в роддом пришла, она так головой мне мотает: «Не ходи, – говорит, – Свет, не смотри, там мне сказали, не жилец он, а если и жилец, то диагнозов туча! Я это... Я отказываться, наверное, буду». Я говорю: «Вер, так что ж мы за семья такая, если своих бросаем?» Ну, Верка и расплакалась от моих слов. А потом я пошла, и мне ребеночка как тетке дали. А я ж посмотрела: ну Светка же наша, ну вылитая же. Ну, был там какой-то, как будто и не было, а все одно, порода наша! И я, значит, над Кирюшкой тогда сидела и плакала – вся в буклях, помадой розовой намазанная. Не пошла я на встречу к Сене тогда, не получилось у меня. В письме так и написала: Кирюшу Верка рóдила, это главное, а ты, Сеня, не сердись, уж как-нибудь в другой раз...

И вот я тогда сразу узнавать начала: а что, а как лечить. ДЦП, нам сказали. Там никто гарантии не дает, говорят, бывают совсем здоровые, гении этой, силиконовой, долины бывают, а бывают совсем овощи, это как лечить будешь. Ну, я тогда на работе-то сказала, что так вот. А они что, они должны, что ли? Но мне там, представляете, вот тогда-то, одна с работы женщина адрес дала и рекомендацию... Она же не должна была, а дала. Людей одних богатых. Ну и вот, прибираться я стала. У богатых-то этих людей. Раньше-то у нас богатых не было. Ну, или не видели мы их, в деревне-то мамка мне говорила, когда я работать маленькая не хотела: «Света, у нищих слуг нет!» А тут – и откуда их столько тогда взялось? Да неужели ж земля русская столько барей в себе раньше хранила, а нам не показывала?

Стали мы, значит, с Кирюшкой-то нашим жить-подрастать. Ванночки, растирания, игло... как их, эти... иглоукальвания. А что вы думали? А все делали! К знахаркам возили, к неврологам, нас лучший, Соломон Моисеевич, невролог, смотрел, но... С мячиками с этими, на всяких препаратах лежали... Мне тогда хорошо платили, я не жалею, господа иногда и помимо давали, я и брала. А что, я – слуга, обслуга, я свое место хорошо знаю. Убираюсь хорошо, этому я сызмальства приучена. Не ворую, лишнего ничего не требую. Я хорошей репутацией тогда обросла. Я и у мэров работала – это вам, вот те крест, как на духу говорю! У мэров у двух! У любовниц мэров трех! У бывших жен! А мне какое дело, кто они там друг другу? Мне ребенка надо было поднимать! Верке-то моей нужно было техникум заканчивать.

Мне тогда двадцать три было, ну а Верке – двадцать один соответственно? Да! Ну и Верка уже на последнем курсе училась, как влюбилась. Да, вот натурально влюбилась. Я это первая поняла. Говорю: «Вер, а чего ж ты такая грустная?» Она ни в какую. Ну, нет, так нет. Ну, прямо буду я особо лезть... Но потом не выдержала, конечно: «Вер, ну кто?» Она и призналась: «Знаешь, – говорит, – ты, главное, не пужайся, он офигенный мужик, но выйдет только через полтора года. Я, – говорит, – боялась тебе сказать, он за грабеж сидит, но он не виноват, вот те крест! Я его еще до посадки знала. А тут он мне как писать из тюрьмы начал – я поняла, это оно!» Ну, я сначала, как сейчас говорится, прифигела, конечно. Потом вижу: ну Верка-то прям страдает! Говорю: «Ну фотку покажи, что ли!» Ну и она показала. Ну такой мужик! Ну закачешься! Красивый, на фотке, ну вообще! Ну Брэд Пит! Вот вылитый наш, сибирский, Брэд Пит! Но, правда, за грабеж сидит. Верка мне так рассказала про него: хороший мужик, работающий, жену свою, изменщицу, любил, ребенка

обожал, бизнес, правда, с мудаками какими-то делал, сел вообще ни за что – за грабеж с небольшими отягчающими! Я и поверила. И стали мы нашего Кольку вместе с Веркой с зоны ждать. Верка даже фотки наши вдвоем отправила. Он вот тогда и написал: «А это что рядом с тобой за тумбочка?» Тогда и приросло. Ну, он не хотел обидеть, он же не знал, что я сестра... Я сначала обиделась. Ну, я уже тогда полненькой была, но это с сейчас несравнимо, конечно...

Я Верку на свиданки на зону к нему отпускала. И письма она мне егонные читала. Ну, ничего не скажу, там, по-моему, любовь настоящая была... Он ей такие слова писал! Любимая, солнышко мое, лучик мой, котенок мой сладкий! Иногда я на нее злилась – это правда. Вот что есть, то есть. Обижала ее. Ей на свиданку ехать, там уж все собрано. И Кирюшка-то на мне. И работа на мне. Я ей кричу: «А как мне с Кирюшей-то быть?» «Ну сделай что-нибудь!» – она мне кричит. Я теперь в журналах читаю, что это я от нерелезованности... Там написано. Ну, наверное... Так я ж, конечно, от этой нерелезованности и кричала на нее, и нотации читала. Иногда с работы приду: «Мать ты, перемать, – говорю, – почему массажные рукавички там и лежат, где я их оставила?» Нерелезованность – это...

Ну и мы жили так: Верка к своему Кольке ездила, мы с Кирюшей работали, квартиру снимали, лечились...

И вдруг мне Сеня написал, аж через год, уже в апреле. Ну что, ну как ты, милая моя Светочка, мой цветочек аленький? Я млею, конечно, а про себя думаю: видел бы ты этот цветочек, то не цветочек, то бабаб... Но в душе надежду, конечно, лелею. Ну и Сеня мне пишет, что он в другой город работать перевелся, но согласен приехать поглядеться. Я написала: приезжай, конечно... Сама про себя решила не готовиться, вдруг еще что случится, вон у Верки тени какие-нибудь возьму, подмалююсь в последний

момент... Сговорились, назначили дату, через пару месяцев, когда в отпуск он пойдет.

А потом Колька-то и вышел. Так оно вышло-то нехорошо, но не то что вышел, а то, что, как это сказать... Нехорошая, в общем, компания получилась... Валька-то к нам приехал жить с деревни, тогда в деревне-то совсем плохо стало, но... На заработки приехал, учиться не хотел. На стройке вкалывал. И его понять можно. И Кольку понять можно. А только стали мы все вместе в квартире-то съемной жить. Я-то что? Я Кирюшей занята, а они по вечерам стали, Верка с Колькой, ну и Валька наш под водочку сидеть... Я ж вижу, что им весело там всем. Семья же! Я тоже иногда сидела! Кирюшу уложу – и тоже к ним! А Колька тогда, помню, говорил еще: «Ну что, тумбочка, заживем? Заживем?! Вот увидишь, тумбочка!» Один раз от радости меня на колени даже посадил. Вот тогда я впервые мужские колени почувствовала. Жесткие такие. А сидеть удобно. Правда удобно. Ну, это ладно...

В общем, звонит мне как-то Верка на работу утром, голосит. Они, мол, Колька с Валиком, по пьяни машину угнали. Я: «Что? Ничего понять не могу! Подожди, щас приеду!» Отпросилась в тот день. Там хорошие хозяева были. Приехала в СИЗО. Верка там сидела. И к нам сразу подходят три или пять даже адвокатов. Все свои услуги предлагают, видимо, тогда в обществе сильная эта самая нерелезованность была... И один мне так понравился, лицо такое хорошее. Я говорю: «Ты его вытащишь?» Он говорит: «Не вопрос. Одного – вытащу, другому до двух скошу, условия там не будет никак, поскольку рецидив». Я говорю: «Сколько?» Он мне сказал. Верка рыдает: «Где ж мы такие деньги возьмем?» Я говорю: «Вер, не ссы, пожалуйста, мы же семья, просто я буду маленько больше работать». И Верунчик успокоилась. Сначала рыдала так, а потом смотрю: у меня на груди ну чисто ребенок, затихла

и трясется только. Совсем дите. Исхудала... Под глазенками тенеты залегли... Еще бы – столько страдать. И тут мысль вдруг пронзает: «А Кирюшка-то с кем?» Я вскочила, и Верка у меня на руках никак успокоиться не может, и Кирюшка там... Бегу, молюсь, чтоб ничего страшного. И еще вспоминаю: сегодня с Сеней же я встречаюсь. Прибежала домой, схватила Кирюшку и на вокзал рванула. Ну, думаю, была – не была, судьба ведь решается! На маршрутке, потом на автобусе – лечу к нему! На два часа я тогда всего лишь опоздала. А он не дождался, гад... А может, и не судьба была. А может, и к лучшему. Ну что я тогда: некрасивая, с тушью размазанной, в старых кроссовках, с маленьким на руках... Может, и к лучшему...

А потом я еще работала, ну, в общем, ничего серьезного на самом деле, и сумму-то собрала и тому адвокату с хорошим лицом отдала... И тогда он сказал, что дело плохо, нужно еще четыреста тысяч, потому что они там человека порезали... Двести – следователю, двести – потерпевшему. Я чуть с ума не сошла! Наш Иисусик маленький, симпапулечка! Он-то здесь при чем? Он не виноват же, у него ж просто воспитания не было! Это ж его все Колька на кривую дорожку свел! У него же кудри золотые! Адвокат сказал: если деньги соберу, то все будет нормально. Я к тем хозяевам побежала, у которых работала. Они, конечно, денег не дали, но Игнатъевич-то, хозяин, позвонил своему другу, директору банка, они там в какой-то спортивный кружок-качалку вместе ходили, как я поняла... Ну вот, позвонил, и мне без бумажек, без ничего кредит сразу оформили. Я ж официально-то безработная была, а они там нарисовали что-то... Ну вот, дали мне четыреста тысяч, я адвокату и отнесла. Потом со следователем еще мы говорили. Следователь сказал, поможет. Этот парень-то, которого они порезали, он заявление за деньги-то забрал. Мне потом Валька и рассказал,

как дело было: парень-то тот первый их материть начал. А они уже потом его порезали маленько и машину забрали, в отместку вроде... Ну, мальчишки же, но...

Ну, следствие прошло, а дальше суд. И прокурор для них на суде пять и двенадцать запросил. Пять лет для Вальки нашего! Вот тогда, на суде, у меня первый сердечный приступ и случился. Я так думала, что сердечный приступ. Меня тогда на скорой увезли, и я потом уже узнала от адвоката с хорошим этим лицом, что три и семь дали... А на скорой меня спросили: «Вы знаете, что такое преднизолон?» Я говорю им: «Нет». Они говорят: «Ну вот, теперь будете знать. У вас астма». Так и стала я с астмой ходить и потом узнала, что на преднизолоне толстеют. А мне что толстей, что не толстей, все равно худой не станешь. Правильно? Ну, подумаешь, астма, вон по телевизору у людей рак показывают...

А Кирюшка-то вот в этот момент, он как чувствовал, понимаете? Он же первое слово тогда у нас сказал! Знаете, какое? Лошадка! Лошадка! Это он на мультик показывал и так сказал! А потом вообще фразами говорить начал, говорит: «Лошадке надо бегать!» Ну, это он, говорю, на мультик показывал и сказал. Что, мол, вот лошадка бежит, и ей надо бегать... Я тогда не могла вообще: брат в тюрьме, Веркин почти муж в тюрьме, а он – «лошадка!» Ну золотой мальчик! Золотой! Абсолютно, в силиконовой долине работать станет!

Я тогда много читать начала – я же ничего не знала – в газетах: ну, как сидят, как там что. Прочитала тогда про пытки, про много чего, мне так плохо было. Ой! Но мне-то что, я ж на преднизолоне, а вот он-то. Письма писал, говорит: «Светка, ты мне как мама, вышли денег! А то совсем блатные замучили!» Ну я и старалась. У господ, бывает, деньги получишь, много денег, ну по нашим-то меркам, а там уж по конвертикам рассуешь: это нам

с Веркой на жизнь, это Кирюше на лечение, это Валику на тюрьму, то есть на нужды, это Кольке... Сейчас хорошо, сейчас карточки, это прямо очень удобно, прямо спасение для меня – все помню: кому, сколько, куда... Ну и на свиданки ездила. Там поездом двое суток. Соберешься бывало, закупишься и везешь ему. Там уж, в общежитии-то тюремном, наготовишь и кормишь, кормишь его, чтоб хотя бы впрок наелся... Говорил, не обижают его. А глаза грустные, тоскливые такие. Ой, как у меня сердце-то кровью обливалось, когда я его в тюремной робе видела! Ой, мамочки, как мужикам тяжело у нас в стране жить! Сначала армия, потом тюрьма...

Ну вот, Валька с Колькой у нас сидели – зато Кирюша рос. А потом и Валька вышел. Ну, мы его на радостях с Веркой на вокзал встречать поехали, нам заранее он еще из тюрьмы писал. Принарядились, шампанского купили. А Кирюшка-то у нас тогда уж в первый класс ходил! Сам в нормальный первый класс пошел! Радовал нас так, что хоть стой, хоть падай! На природоведении написал, что бабочка – это оживший калейдоскоп! Нет, я понимаю, ненаучно, конечно, но красиво-то как! И вот мы тогда Вальку встречали на вокзале! Шампанское пили! Так кричали! Господи! Так хорошо было! И Верка, и Валька, и Кирюшка – мы все вместе! Одна семья! И Верка не насупленная, как обычно, была. И Кирюха не стеснялся, стихи читал. И мы Вальку, как в детстве, за ребра щекотали. Вроде просто зима была, а такое счастье...

А потом вот маленько проблемы начались. У Вальки-то с работой никак не клеилось. Ну, знамо дело, сидевший он. А у Верки никогда работа, я так понимаю, в приоритете не была. Там поработает, здесь поработает, но... И пошла она, значит, в восточное кафе официанткой – ну, хачапури там, шашлык-машлык, как они это умеют... И стал за ней ухаживать такой Ахмед Мухаммадиев, друг

хозяйина... Ухаживал красиво, бывало, до шести утра ее не было, а приходила вообще на рассвете с цветами. Ну я так, конечно, смотрела: «Ну, Вер... хочешь – гуляй, ты – женщина молодая. Колька в тюрьме, да он тебе даже и не муж... Тебе решать». Но я этого не одобряла, конечно. Ну не нашей он веры. Я не то чтобы какая-то, ну не нашей же веры. А потом эти теракты начались. Я ей тысячу раз говорила: «Вер, ты точно знаешь, что этот твой – не тот ихний террорист настоящий?!» Она обижалась. А потом, уже в том году, как Кольке выходить было, сказала: «Я это... Мне, туда-сюда, все равно ислам принимать надо. А то ему там другую телку маринуют. У них так принято: здесь телка, там телка...» А это я же вам еще не сказала, что она за это время Машку родила, Марям по-таджикски, и там история такая была: он же ее признавать не хотел, пока Верка ислам не примет. Ну, нормальный такой, да? Ребенка, значит, ты сделал, а признавать его не хочешь? Ловко! Вот и я так думала. А жили мы тогда все на съемной, в двушке: я, значит, Верка с Кирюшкой и Машкой, Валик со своей новой, зарождающейся девушкой. Мне-то много не надо, мы с Кирюшкой на кухне как-то пережидали, а вот Верке с ее новорожденной и Вальке с его любовью там место требовалось...

И я в итоге себя, конечно, немножко виню. Потому что Верка-то в конечном итоге приняла ислам, и этот Ахмед Мухаммадиев ее забрал к себе. И свадьбу им спраздновали по всем законам ислама. Меня не позвали, потому что я ж не мусульманка, мне что там делать? Вообще они не хотели, чтобы с нашей стороны родственники были. Мне только потом Верка фотографии распечатала. Решили, что Машеньку она забирает, а Кирюша мне остается. Кирюша и не хотел туда. Он очень на Верку-то за Ахмеда этого злился.

Вот я это тоже не понимаю. Ты проповедуешь ислам, ты – исламист, так? Зачем тебе русская жена? Мы –

русские, я не говорю, что мы все православные, но у нас своя, русская, вера. Ты в исламе живешь. Вот сидит перед тобой русская женщина, ждет мужа из тюрьмы. Что тебе от нее надо? Зачем ты ее тащишь в свой гарем? У ней и так все хорошо! Нет, надо притащить, надо обратить в ислам, надо плов научить готовить. А все для чего? Чтоб калым за нее не платить, я так считаю. Вот она, восточная хитрость. Мы, русские, – простодырые, у нас приданое за невестой идет, а у них за невесту калым платится. А тут ничего платить и не надо, раз не ихняя она. Вот и вся любовь! Я так считаю. Хотя, со своей стороны, Верка его любила, конечно... Сейчас вроде тоже любит, но тогда прямо сильно любила, я видела...

Колька-то, когда вышел, он ее вернуть пытался, разбираться к ней ходил. А она ему сказала: «Уходи!» И потом Ахмедовы братья Кольке тоже объяснили, что он неправ. Приходил ко мне побитый весь, несчастный такой. Я ему денег одолжила на первое время, и он куда-то пропал... Ну, дай бог, чтобы все наладилось у него.

И вот Верка с Машенькой-то ушли. А мы и остались в одиночестве: я, Кирюша, Валик и его девушка. Я эту девушку за всей-то нашей смутой всерьез и не восприняла... А тут смотрим с Кирюшей – а у ней живот растет, но... Я даже не пойму, то ли я обрадовалась, то ли огорчилась. Ну а чего огорчаться? Валик тогда охранником уже работал. Да и семья же! Я – к ней, говорю: «Кать, никак ты беременна?» Ну, она не очень разговорчива, но кивнула. А тогда шла повсюду реклама этих новостроек – ну, строились всюю такие квартиры, современные, большие, в многоэтажках. Двадцать там этажей, двадцать пять. Новые районы целые. «Молодежный», «Лесной», «Заречный»... Это сейчас все уже знают про них. А тогда повсюду только реклама была: «Новый район – новая жизнь! Новостройки! Новостройки! Новостройки!» Вот

ко мне Валик и подошел: «Сестра, – говорит, – у тебя ведь деньги водятся, у богатых людей работаешь. Ты меня сызмальства упустила, тебе и отвечать. Катерине моей рожать скоро, купи нам квартиру». Ну а я давно уже думала про то. Что надо им, конечно, отселиться... Да и сбережения были. Вот я им квартиру-то и купила. В долги залезла, конечно. Но зато не спростодыра, а с хитростью купила: половину – на Валика, половину – на Кирюху. Ой, как потом Катька ругалась! Ой, как кричала! А я на своем стояла! Вот так ей прямо и сказала: «Что тебе еще надо? Ты не одна тут такая нуждающаяся! Ишь, нашлась королевишна! Кирюше тоже квартира нужна!» Вот так я кричала. За это Катя меня к близняшкам – а у них близнецы, мальчишки, рóдились – напрочь не подпускала. За то, что вот такая вредная я, но!

Я очень принципиальная вообще-то, вы знаете! Я вот в магазине до каждой копейки сдачу требую! Нет, ну а что?! Это же мои деньги, правильно? Я их честным трудом заработала. Вредная я, но, такой уж уродилась. Ну я ж горбатая, а горбатого, как известно, могила исправит... (Смеется.) Не общаемся, в общем, мы с ними... Из-за Кирюши, значит.

Пожили мы с Кирюхой вдвоем недолго. Потом к нам Настена приехала. Так эта кулема, представляете, в институт поступила! На бюджет и финансы! Звучит-то, да? Обалдеть просто! Бюджет и финансы! В первом туре сама прошла, это прямо она по своим мозгам, а дальше уже не прошла – но я-то на что? Прошла на платное, но ведь почти сама! Своими мозгами! Я там за нее платила-то что, можно сказать, ничего... Ну вот и зажили. Все у нас хорошо, значит. Я Кирюхе квартиру купила, правда, во вторичке, но в центре зато, а ту хату, значит, на них, на Валика с женой, переписала. С близнецами, с Егоркой и Жориком, зато познакомилась. Вот как я их, но! У Верки

вот уж четвертый рóдился, верней, четвертая. После Машки у нее был Сахрат, а теперь вот и Майда. Майдушка я ее зову. Чудо девчонка! Сахратик, он более такой... Ну, в папу, что ли, закрытый. А Майдушка – вся в нас, наша, сибирская, порода! Открытая такая, смешливая...

Ну вот, летом, правда, я к маме ездила, говорю: «Мам, а ты помнишь, мы к бабе Любе на четвертое отделение приезжали? На лодке еще катались, а потом баб Люба нас шанежками кормила? Еще папа был мой, только мы с Веркой у вас тогда были...» Она мне отвечает: «Что, Надь?» А Надя – это сестра еёная, она в шестьдесят восьмом утонула. А я ж теперь еще сиделкой по ночам, и я теперь про это знаю... Ну, деменция так проявляется, старческое слабоумие. Если чужим именем тебя старик называет – это верный признак. Я к своему Соломону Моисеевичу бегу, неврологу-то, он мне и подтвердил: да, деменция, надо лечить... Ну вот, я маму-то и перевезла. Это я, самое главное, вовремя усмотрела. Я, знаете, в других домах сиделкой-то насмотрелась... Нет, мама у нас, тьфу-тьфу-тьфу, не такая. Ну, бывает иногда, что не узнаем... Но памперсы нам пока не нужны. Таблетки все пьем. Какие нужны – все пьем. Тяжело – и с ней, и на работе. Но, с другой стороны, вот, а как рак у людей по телевизору или война? Вот я Донецк смотрю или Луганск, ой, как у меня сердце разрывается... Я ж им и деньги посылала, ой, как тяжело людям жить, как тяжело сейчас стало...

А у нас-то все, слава богу, хорошо. Все, слава богу, выросли, выучились. Слава тебе господи! Хозяева у меня все хорошие! Сейчас другое время, все стали вежливые такие! Мода, что ли, у них, не пойму... Все: «Простите, пожалуйста»... Не пойму... Раньше, бывало, матом... А сейчас, наверное, мода... Денег у меня тоже хватает. Вот Кирюше новый компьютер купила. Триста восемьдесят

четыре тысячи стоил, со скидкой нам дали. Красивый. Ну все там: память, карта эта, Стивен Джобсон... Яблоко, короче! Ну, последнее слово! Кирюха-то на программирование у нас закончил колледж, с работой пока не очень, но оно и понятно: компьютера-то хорошего не было, а у них же все на этом завязано, но... Рабочий инструмент, тут уж как говорится! (Смеется.)

Насте тоже вот надо айфон их этот восьмой купить, чтоб его. Она же в Москве сейчас у меня. Все у нее там в шоколаде, вроде бы и молодой человек есть. Но она у нас в этом плане, знаете, строгая такая... Я такой характер уважаю. Все при ней: и наша красота сибирская, и характер. Вот уж чего Верке-то не хватило... Единственное, айфон восьмой нужен. Она хочет это... как его... видеоблокером стать. А там камера хорошая нужна. Ну, чтобы снимать-то... Будет деньги большие зарабатывать. Videoblocker – это, знаете, самая модная профессия щас. Они миллионами деньги-то гребут, видеоблокеры-то. Мы ж росли, мы ж и слова-то такого не знали... Вот времена-то настали, да?

А Верка у нас тоже хорошо. Детки растут у ней, с Ахмедом они живут. Я туда не хожу, она ко мне ходит, и детки ейные ходят. Все меня любят, и прямо душа у меня не болит больше за них. Вот и дождалась... плодов, как говорится. У всех все хорошо.

Мне вот недавно Сеня написал. Женился он потом, да уж развелся. И опять вот пишет: скоро в нашем городе проездом. Да я уж отвечать не стала. Вдруг опять наобещаю с три короба, а судьба еще какую-нибудь фентифлю выкинет? Нет, я уж лучше так... Да мне и надеть нечего. Да и про мой горб он не знает.

Я чего пришла-то? По поводу Веркиного долга. Я вот сейчас все не могу... Я знаю, там сумма большая... Она не платила, не могла сначала, да штрафы потом пошли,

она и испужалась... Ну, дети же у нее, надо понимать, да и с причудами она у нас. Вадик-то, помните, дурачок, я говорила. Травма ж у ней. Я тут прочитала... Что долг-то рекрутизировать можно – ну, по частям заплатить. Вы бы оформили, а я бы платила. Оформим, а? Я вот сумму-то одну принесла... А там, глядишь, через месяц и вторую занесу... И третью. Верка-то вам всяко не заплатит, а я по частям уж как-нибудь... Вы рекрутизируйте только, чтобы я сама за нее платила...

Верка-то у нас болеть часто стала, четверо деток у ней да травма еще эта. Жалко мне ее, не могу, болеет, но... А у меня-то шея не переломится за нее заплатить... Куда ей ломаться-то? (Смеется.) Я ж горбатая... Под одеждой просто не видно, а там горб... Не верите? Вот, потрогайте... потрогайте... потрогайте...

Она смеется, дает всем желающим потрогать свой горб, отдает деньги и бежит дальше, по своим нехитрым, но очень важным делам.